

DOI: 10.12731/2077-1770-2018-4-38-61

УДК 930(091)+81-112

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РЕЧИ ЧЕРКЕССКОЙ (АДЫГСКОЙ) ДИАСПОРЫ ЗА РУБЕЖОМ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Абазова М.М.

Статья посвящена истории изучения речи черкесской (адыгской) диаспоры за рубежом. В ней подведены итоги и намечены перспективы исследования данной темы. В качестве источниковой базы выбраны труды, в которых изучались те или иные аспекты речи черкесов, проживающих вне исторической родины. Отмечается, что такое исследование дает возможность выявить особенности трансформации речи черкесской диаспоры под влиянием языка и культуры иноязычного населения. В зависимости от гражданства авторов анализируемых работ, предложена дифференциация всего корпуса источников на труды зарубежных (Ж. Дюмезиль, К. Пари, Дж. Калоруссо, М. Хелиг и др.) и отечественных (М.А. Кумахов, Р.Х. Темирова, Г.К. Чемсо, Х.Т. Таов, Б.Ч. Бижоев, М.М. Абазова и др.) ученых. Учитывается, что зарубежные исследователи, в отличие от отечественных, не являлись носителями изучаемых языков. Специфика научных работ определяется в зависимости от исторических условий их появления.

Целью исследования является подведение итогов комплексного научного изучения речи черкесской (адыгской) диаспоры в Турции и определение перспектив дальнейшего исследования данного вопроса.

Метод и методология проведения работы. В ходе исследования были использованы сравнительный, логический, хронологический, прогностический и системный методы.

Результаты. Анализ трудов ученых-лингвистов показывает, что в речи черкесской диаспоры, проживающей за рубежом, сохранились архаизмы, встречаются неологизмы и заимствования, поя-

вившиеся под влиянием языкового окружения и в результате длительного отсутствия контактов с носителями адыгских языков на исторической родине. Отмечается, что несмотря на существенное количество трудов по изучению истории, культуры, фольклора черкесов за рубежом, многие вопросы, касающиеся их речи, до сих пор остаются неисследованными. В их числе: речь диаспоры как маркер этнической идентичности, ее динамика и механизмы сохранения, особенности морфологии, синтаксиса, лексики и т.п.

Область применения результатов. *Результаты данного исследования могут быть использованы в образовательном процессе и научно-исследовательской деятельности, касающейся вопросов изучения речи различных диаспор.*

Ключевые слова: *история науки; историческая лингвистика; черкесы; диаспора; речь; кабардино-черкесский язык; кавказские языки; диалект.*

BACKGROUND OF STUDYING THE VERNACULAR OF THE CIRCASSIAN (ADYGHE) DIASPORA ABROAD: RESULTS AND RESEARCH PERSPECTIVES

Abazova M.M.

The article is devoted to the background of studying the Circassian (Adyghe) diaspora abroad. Here the results are summed up and research perspectives of this issue are marked out. The source base of the article includes works by authors who studied the speech of the Circassians living outside their historical homeland. It is noted that such research enables one to pinpoint transformation features of the Circassian diaspora's vernacular under the influence of language and the culture belonging to a foreign-language population. All the scientific sources were divided according to the nationality of the author, as follows: foreign (Zh. Dyumezil, C. Pari, J. Kalorusso, M. Helig, etc.) and domestic (M.A. Kumakhov, R.H. Temirova, G.K. Chemso, H.T. Taov, B.Ch. Bizhoyev, M.M. Abazova, etc.) It is considered that foreign researchers, un-

like domestic ones, weren't native speakers. The specific features of the scientific works are defined according to the historical conditions of the time they were written.

The purpose of the study is to summarize the results of a comprehensive scientific studying the Circassian (Adyghe) diaspora's vernacular in Turkey as well as the research perspectives of the issue.

The method and methodology of carrying out work. For the aims of the study, the comparative, logical, chronological, as well as predictive and system method were used.

Results. The analysis of scientific works shows that the vernacular of the Circassian diaspora living abroad preserved archaisms, neologisms and loans that have appeared under the influence of a non-native language environment and as a result of a long absence of contacts with native speakers of the Adyghe languages. It is noted that despite the essential number of works on history, culture, folklore of the Circassians living abroad, many issues are yet to be studied, among them being diaspora's vernacular as a marker of ethnic identity, its dynamics and mechanisms of preservation, specific features of morphology, syntax, lexicon, etc.

Practical implications. The results of the study can be used in educational process and the research activities concerning issues of studying vernacular of various diasporas.

Keywords: science history; historical linguistics; Circassians; diaspora; vernacular; Kabardino-Circassian language; Caucasian languages; dialect.

В настоящее время черкесская (адыгская) диаспора за рубежом представляет собой специфичное этнокультурное явление – монолитное социальное звено, занимающее прочную позицию в политической и социально-экономической жизни стран проживания (Турция, Иордания, Египет, США, Германия, Израиль и т.д.). Становление и развитие черкесской диаспоры имеет многовековую историю, начиная предположительно с раннего средневековья, когда черкесские мамлюки начали инкорпорироваться в военно-по-

литические структуры некоторых государств Ближнего Востока. Массовое же ее формирование относится ко второй половине XIX в. и связано с мухаджирством (махаджирством) – массовым переселением значительной части мусульманского населения Северного Кавказа в Османскую империю на исходе и после Кавказской войны. Территорию Кавказа по разным подсчетам покинуло более 1 млн. черкесов [12, с. 40]. Динамику численности черкесской диаспоры за рубежом проследить сложно, так как экзоэтноним «черкес» в странах проживания исторически употребляется для обозначения всех выходцев с Кавказа.

Контактирование неблизкородственных языков приобретает в современном мире все большие масштабы и сопровождается специфическими лингвистическими процессами, которые достигают особой интенсивности в иммигрантских диаспорах. Примером такого феномена является черкесская (адыгская) диаспора в Турции, Иордании, Израиле и других странах. В этих условиях одним из «живых» материалов их этнокультурной идентичности остается их речь, которая с течением времени трансформируется под влиянием различных факторов и приобретает определенную специфику в зависимости от локализации той или иной диаспоральной подгруппы.

Учитывая это, анализ результатов научных исследований речи черкесской диаспоры за рубежом приобретает особую актуальность как в научно-теоретическом, так и в практическом отношении. В теоретическом плане такое исследование дает возможность выявить особенности трансформации речи диаспоры под влиянием языка и культуры народов в странах проживания, а также – форм и механизмов сохранения этнокультурной идентичности народов, оказавшихся в иноэтничной среде. В прикладном – обобщить накопленный исследователями опыт изучения речи черкесской диаспоры за рубежом, определить специфику научных работ в зависимости от исторических условий их появления, выявить новые исследовательские возможности темы.

Основными источниками при исследовании поставленной проблемы являются опубликованные научные труды таких отечествен-

ных и зарубежных ученых, как Ж. Дюмезиль [21; 22], К. Пари [23], М.А. Кумахов [10], М. Хёлиг [19], Х.Т. Таов [15], Б.Ч. Бижоев [7], А.В. Кушхабиев [12; 13], А.А. Ганич [8], М.М. Паштова [14], М.Ю. Унарокова [18], М.М. Абазова [3] и др. При формировании источниковой базы приоритет отдавался тем трудам, которые содержали качественно новые или отличительные подходы к исследованию темы по сравнению с предшествующими. Научный анализ этой группы источников позволяет обобщить накопленный опыт изучения речи черкесской (адыгской) диаспоры за рубежом. В них рассматривались вопросы исторического развития, современного положения и этнокультурного развития отдельных групп диаспоры. При этом до настоящего времени еще не появились исследования, авторы которых, опираясь на богатую источниковую базу и полевой материал, исследовали бы основные этапы изучения речи черкесской диаспоры за рубежом. В качестве дополнительного источника использовались полевые материалы, хранящиеся в архиве и фонотеке Института гуманитарных исследований – филиала КБНЦ РАН (г. Нальчик) и собранные Б.Ч. Бижоевым в 1994 г. и М.М. Абазовой в 2005–2011 гг. Материалы этой подгруппы источников дают возможность наметить дальнейшие перспективы исследования темы.

Методологическую основу составляют современные подходы к применению принципов и методов лингвистических исследований. Помимо этого, в качестве основных принципов использовались: историзм (учитывался исторический контекст того времени, когда выходила в свет та или иная публикация), объективность («непредвзятый» анализ научной литературы) и т.п.

Среди основных методов использовались сравнительный, логический, хронологический, прогностический и системный. Сравнительный метод дал возможность провести сопоставительный анализ опубликованных работ по теме исследования. Использование логического метода позволило раскрыть своеобразие и исторические особенности речи черкесской диаспоры за рубежом. Хронологический метод позволил исследовать речь диаспоры последовательно, в зависимости от времени издания анализируемых работ,

начиная с самой ранней. С помощью метода научного прогнозирования были предложены новые направления в исследовании речи черкесской диаспоры за рубежом. На основе системного метода определена степень изученности отдельных аспектов проблемы и проиллюстрировано ее комплексное состояние на данный момент. В целом, совокупность применяемых принципов и методов исследования позволяет определить общее состояние изученности речи черкесской (адыгской) диаспоры за рубежом и наметить перспективы ее исследования в будущем.

Последствия миграционных процессов, проходивших в 60-е гг. XIX века на исходе Кавказской войны, когда большая часть черкесского народа переселилась в Османскую империю, отразились на таком важнейшем маркере их этнокультурной идентичности, как язык. Это наглядно демонстрирует сравнительный анализ современного состояния речи представителей черкесской (адыгской) диаспоры за рубежом и кабардино-черкесского литературного языка. Лингвистические изменения были связаны прежде всего с активным освоением представителями диаспоры языка окружающего населения. Трансформация речи черкесской диаспоры за рубежом повлекла за собой определенные изменения в системе их социокультурной коммуникации в целом. В ходе интеграции черкесов в этнокультурное пространство народов, проживающих на территории бывшей Османской империи, происходили заимствования элементов языка и культуры аборигенов. Для сохранения этнической идентичности и недопущения ассимиляции с коренным населением черкесы в разное время создавали различные общественные организации и объединения, национальные школы, издавали газеты и т.д. В результате традиционные языковые и социокультурные коммуникативные практики у черкесов за рубежом существенным образом трансформировались, приобретая во многом новые функции, смыслы и коннотации. В этих условиях возникли предпосылки к научному исследованию речи диаспоры за рубежом.

Для многих «диаспорных групп стало характерным значительное выравнивание диалектных черт и образование некоего общего

диаспорного койне» [9, с. 34]. К настоящему времени в истории науки о диаспоре накоплен небольшой материал, охватывающий фонетический, грамматический и лексический уровни языка черкесов за рубежом, который представляет значительный интерес для сравнительно-исторического исследования адыгских языков в целом. Данная проблема так или иначе становилась предметом научных исследований как отечественных (советских, российских), так и зарубежных лингвистов–адыговедов в качественно разных исторических условиях.

Так, первые научные исследования проблемы были подготовлены зарубежными учеными. В СССР же первые научные труды по данной проблематике стали появляться в 80-е гг. XX в., когда стало возможным учреждение общественных организаций, основную деятельность которых составляли этнические проблемы. Меняющаяся общественно-политическая ситуация, ее либерализация как в некоторых странах проживания черкесской диаспоры, так и России – открыла путь к более свободному изучению ее языка, культуры и истории.

Большой вклад в исследование языка и механизмов существования черкесской (адыгской) диаспоры на Ближнем Востоке внесли ряд зарубежных ученых, таких как: Ж. Дюмезиль, Г. Фогт, К. Пари, Дж. Калоруссо, М. Хёлиг и др. При этом в данном случае научный интерес представляют работы не исключительно по адыгским языкам, но и по убыхскому – особому языку адыго-абхазской группы кавказских языков, практически не сохранившемся в наше время.

Изучение речи черкесов, проживающих за рубежом, в рамках сопоставительной лингвистики началось с 50-х гг. XX в. Материал, собранный Ж. Дюмезилем и К. Пари позволяет изучить специфику их подходов к решению некоторых вопросов в области фонетики, фонологии, что помогает установить соотношение между современными адыгскими языками (кабардино-черкесским, адыгейским и т.д.) и их диалектами, то есть сформировать специфичную модель (систему) изучаемого языка.

Работы Ж. Дюмезиля – крупнейшего зарубежного исследователя убыхского языка, который в конце 50-х – 60-е гг. XX в. еще был

представлен на территории Турции, занимают особое место в изучении речи черкесской (адыгской) диаспоры за рубежом в целом. Он выделил ряд специфических характеристик убыхского языка, качественно отличавших его от других языков адыго-абхазской группы. Ж. Дюмезиль отмечал, что для убыхского языка «исходность двухчленного вокализма также очевидна, хотя в этом языке обнаруживаются некоторые признаки разрушения первоначальной системы вокализма из гласных *a, ы*» [21, с. 13]. Наряду с ними, он выделял в убыхском языке долгое *ä* (убыхское новообразование), обладающее минимальной функциональной нагрузкой, как результат стяжения **aa**: *йафын* <*йаафын*» [21, с. 13].

Особую ценность исследованиям Ж. Дюмезиля придает то, что помимо прочего он выделяет ряд характеристик, отличавших убыхский язык в диаспоре от других языков адыго-абхазской группы у черкесов Северного и Северо-Западного Кавказа (кабардино-черкесский, адыгейский, шапсугский и т.п.) и других народов (абазин, абхазов и т.п.).

В 1963 г. в г. Осло (Норвегия) вышел большой словарь известного норвежского лингвиста, специалиста по кавказским, баскскому языкам и общему языкознанию, доктору филологии Х. Фогта «*Dictionnaire de la Langue Oubukh*». В работе автор дает фонологическое введение, далее следует французско-убыхский словарь и убыхский текст, написанный на французском языке [24].

Исследования французского лингвиста К. Пари, являющиеся первой попыткой по изучению фонологии бесланеевского диалекта с. Зеннун (Турция), позволяют по-новому посмотреть на некоторые вопросы лингвистики языков и диалектов адыго-абхазской группы. Эта часть работы К. Пари основанном на богатом полевом материале, собранного ею в результате длительного проживания в с. Зеннун в 60-е гг. – первой половине XX в. В комплексном исследовании «*Systeme phonologique et phénomènes phonétiques dans le parler Besney de Zennun köyu (Tcherkesse orientale)*» помимо речи она дает краткое описание истории, географии, этнической композиции черкесских жителей этого села.

В работе К. Пари уделяет особое внимание фонетическим особенностям языка. Она, сравнивая черкесский, убыхский и абхазский языки, приходит к выводу о том, что эти языки функционируют с фонемами, черпаемыми из «общего запаса», с разным функциональным распределением для каждого языка и диалекта. «Общий запас» основан на релевантных чертах трех главных категорий: 1) ларингальные черты: звонкие – глухие (придыхательные) – глоттальные; 2) щелочные черты: наклонения и знаки артикуляции; 3) резонансные черты (щелочную и фарингальную): наполненную, палатализованную, лабильную, фарингальную – эта черта характерна лишь убыхскому языку. В анатолийском (бесленеевском) говоре с. Зеннун она вместо долгих гласных во всех позициях отмечает исходные дифтонги или исходные краткие гласные. Ср. *uep* (йэн) «большой», *teylhan* (тэйльхъан) «класть что-то». Исключение К. Пари делает в отношении долгого о в презентных формах. Ср., *q'one* (къ'онэ) «остаётся», *wolau*^o (ўольгаўу) «видишь» [23, с. 64].

Таким образом, работа К. Пари помогает в определенной степени воссоздать историю кабардино-черкесского языка, проследить некоторые фонетические и грамматические особенности речи исследуемого диалекта, которые в настоящее время не встречаются у носителей языка на исторической родине. Сложностью является то, что в работе затрагиваются лишь жители отдельно взятого населенного пункта, тогда как современные исследования темы позволят выявить различные особенности речи черкесской диаспоры в зависимости от исторических условий ее формирования и локализации ее основных групп.

Большой вклад в исследование проблемы внесла М. Хёлиг, доктор философии, профессор Берлинского университета. Основная часть ее работы направлена на исследование абадзехского диалекта черкесской диаспоры в Турции. В своей работе она пишет о языковых особенностях у абадзехов, проживающих в трех селениях вокруг города Гёксун (Турция), и о том, как они отличаются от языковых особенностей абадзехов аула Шогеновск в Республике Адыгея Российской Федерации. М. Хёлиг выделяет фонетические,

морфологические особенности в речи диаспоры. Например, фонетические особенности: «одной из особенностей взрывных в абадзехском диалекте является заднеязычная твердая абруптивная фонема «к/г». Она встречается после ш и с: *шкIэ* «теленок», *зыгъэпскIын* «купаться» [19, с. 359].

Она первой среди исследователей речи черкесской диаспоры в Турции обратила внимание на такую важную деталь, как то, что с течением времени в абхазском диалекте адыгского языка диаспоры происходили заимствования некоторых слов из турецкого языка, как были и заимствования в абадзехском диалекте из русского языка на Кавказе [там же, с. 366].

Таким образом, работы зарубежных исследователей, несмотря на отсутствие комплексного подхода, внесли существенный вклад в изучение речи черкесской диаспоры за рубежом. В большинстве своем они основаны на полевых материалах, что также имеет важное значение для современных исследований проблемы. Во-первых, полевой материал был собран в разные годы, что уже само по себе дает возможность для сравнительного исследования речи диаспоры в исторической ретроспективе. Во-вторых, он был собран в разных областях проживания представителей диаспоры, что дает дополнительный материал для изучения особенностей речи диаспоры в зависимости от места проживания каждой отдельной ее группы. В-третьих, в трудах зарубежных авторов основное внимание уделялось убухскому языку и некоторым отдельным диалектам адыгского языка, что привело к тому, что остальные языки остались неизученными и их состояние в то время остается неизвестным. В целом, работы выше перечисленных авторов помогают воссоздать историю, лексический запас, некоторые отличия от норм литературного языка.

Большой вклад в исследование речи черкесской (адыгской) диаспоры за рубежом внесли такие отечественные ученые, как М.А. Кумахов, Р.Х. Темирова, Г.К. Чемсо, Х.Т. Таов, Б.Ч. Бижоев, М.М. Абазова и др.

Одним из первых советских (российских) ученых, исследовавших язык представителей черкесов за рубежом, является академик

М.А. Кумахов. Несмотря на то, что основные свои выводы по данной проблематике М.А. Кумахов основывал на данных зарубежных исследователей, он совершенно справедливо полагал, что «главным источником для построения сравнительно-исторической фонетики адыгских языков являются живые диалекты и говоры» [10, с. 30].

Основная заслуга М.А. Кумахова в данной сфере заключается в том, что он первым определил основные векторы сравнения речи диаспоры с кабардино-черкесским литературным языком, сложившемся на исторической родине черкесов. Например, он установил, что независимо от того, является ли долгое *о* фонемой или вариантом фонемы, его генезис прозрачен: *о* возникает как результат монофтонгизации дифтонга *ау*. Гласные *а*, *ы*, лежащие в основе убыхского вокализма, реализуются в начальной и неначальных позициях. Ср., например, *ашьа* «рубашка», *бана* «трава», *тыт* «человек», *бзы* «вода». Начальное *ы* в убыхском языке возможно лишь в глагольных формах, где *ы* выступает в качестве префиксального морфа. Ср., *ыккьан* «он идет», *ызбийан* «я его вижу». В этих глагольных формах элемент *ы* является личным префиксом [там же, с. 46–47].

Значительный вклад М.А. Кумахов так же внес и в изучение убыхского языка. В своем фундаментальном очерке «Убыхский язык», он опирался в основном на последние публикации (текстовый материал) Ж. Дюмезиля и на словарь Х. Фогта. По мнению М.А. Кумахова, важным подспорьем для интерпретации фактов убыхского языка, в особенности его фонетической структуры, явилось магнитофонная запись речи известного знатока убыхского языка Т. Эсенча, предоставленную автору В.И. Абаевым [11, с. 589–590]. В работе он дает лингвистические и морфонологические характеристики убыхского языка.

Ряд обобщений был сделан М.А. Кумаховым и в сфере изучения трансформации речи черкесской диаспоры за рубежом. При этом он опирался на труд К. Пари. Анализируя материалы данных бесленеевского диалекта кабардино-черкесского языка (особенно его анатолийского говора с. Зеннун), М. Кумахов установил, что противопоставление твердых и мягких шипящих аффрикат (если речь

идет о фонетическом уровне). Ср., в говоре Зеннун: *джыІэн* «говорить», *джэм* «корова», *ныджэбэ* «сегодня вечером», *чэ* «молоко», *лъачэ* «хромой», *чынагъуэ* «страх» [10, с. 176]. Таким образом, работы М. Кумахова, основанные на трудах Ж. Дюмезиля, К. Пари и на словаре Х. Фогта, помогают сделать сопоставительный анализ убыхского языка с другими адыгскими языками и выявить сходства и различия между ними.

Внимание отечественных исследователей к изучению речи диаспоры за рубежом стало повышаться в начале 90-х гг. XX в., когда активизировалась деятельность этнических общественных организаций по сохранению основных элементов языка и культуры черкесов, как главных маркеров их этнической идентичности. В этих условиях стало возможным установление тесных контактов между черкесами России и их соотечественниками за рубежом. Например, интересные данные о по этой теме содержатся в обзорной статье Р.Х. Темировой, опубликованной в 1993 г. по материалам международной научной конференции 1991 г., посвященной проблемам культурной диаспоры народов Кавказа [16]. Она отмечала, что язык черкесов отличается своеобразием на всех уровнях языковой структуры, которое сформировалось в результате смешения различных диалектов и говоров, изоляции одних субэтнических групп от других [там же, с. 371]. На основе анализа с живой речи некоторых черкесов зарубежья, опубликованных сведений о черкесских аулах, о фамильном составе их населения, названий аулов Р.Х. Темирова делает выводы о том, что черкесские поселения в Турции, Сирии, Иордании, Израиле и других местах их компактного проживания, также являются полиэтничными [там же, с. 373]. Кроме того, на основе обстоятельного анализа широкого круга источников она охарактеризовала некоторые особенности языка черкесской (адыгской) диаспоры в странах проживания.

В 1993 г. независимо от исследования Р.Х. Темировой, Г.К. Чемсо предпринял попытку провести сопоставительный анализ речи черкесов (адыгов), проживавших в Израиле и России. Он выявил ряд направлений по изучению фонетических и лексических измене-

ний в речи этой подгруппы черкесского народа. Израильские адыги приветствуют независимо от возраста в основном арабским словом «*мэрхьэбэ*», редко используют традиционное приветствие мусульман «*сэлам алейкум*». Числа называются и на арабском (старшее поколение), и на европейском (молодежь) [20, с. 280–292]. Дети и молодежь с большим трудом считают или вовсе не умеют считать на родном языке.

Г.К. Чемсо установил, что в говоре жителей с. Кфар-Кама употреблялась двадцатиричная система счета [там же, с. 281]. В отличие от адыгских диалектов, где смешались системы счета, израильские адыги не используют «*цэкЪы*» (30), и «*шьэныкъо*» (50), хотя второе понимают. Вместо них они употребляют соответственно «*тлoкЪырэ пцЪырэ*» и «*тлoкlутlурэ пцЪырэ*», то есть 20 и 10, 2 по 10.

По данным Г.К. Чемсо, адыгская лексика разговорной речи израильских и российских черкесов имеет много сходств. Однако существуют исконно адыгские слова, отсутствующие в адыгейском литературном языке и кавказско-шапсугском диалекте или передающиеся комплексом звуков. Например, вместо общеадыгского «*псын*» (чихать) употребляется «*цlэтхэн*», вместо «*пкlау*» (стрекоза) – «*цlырау*» [там же, с. 289].

В целом небольшая по объему работа Г.К. Чемсо представляет собой большой научный интерес как в научно-теоретическом, так и методологическом отношениях. В научно-теоретическом плане она дает возможность определить основные векторы трансформации речи отдельной диаспоральной группы в зависимости от историко-культурной ситуации и локализации. В методологическом – содержит ряд функционально значимых подходов к исследованию темы.

Значимым событием в истории изучения речи черкесской диаспоры за рубежом была комплексная экспедиция, которая была проведена сотрудниками Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований (КБИГИ, г. Нальчик) в 1994 г. в населенных пунктах Турции, Сирии, Иордании. В ходе экспедиции был собран богатый полевой материал, значительная часть которого в настоящее время хранится в фонотеке научного архива Института гумани-

тарных исследований – филиале Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук (правопреемнике КБИГИ). Этот материал дает возможность исследовать лексические и фонетические изменения в речи диаспоры за рубежом, которые произошли за последующие 20 лет со времени проведения экспедиции. Основные же результаты исследования были опубликованы в сборнике научных статей в 2000 г. [6], о чем речь пойдет ниже.

Важное место в изучении речи черкесской диаспоры за рубежом занимают труды Х.Т. Таова. В своей работе он изучает особенности языка адыгов, проживавших в Турции, Сирии, Иордании, США. Также отмечает, что речь адыгов в этих странах испытывает сильное влияние не только со стороны языков местных жителей, но, что не менее важно, происходит смешение диалектных особенностей различных адыгских языков и диалектов и не подвержена никакому влиянию со стороны адыгских литературных языков. Он считает, что такая ситуация наложила сильный отпечаток на язык зарубежных адыгов и послужила причиной появления в их речи значительных фонетических, лексических, а иногда и грамматических особенностей, позволяющих произвести определенные градации внутри известных диалектов и выделять некоторые говоры в указанных странах. По его мнению, в речи черкесской (адыгской) диаспоры в Сирии, Иордании, Турции и США процессы ассимиляции протекали очень быстро (особенно в последнее время) в силу их изоляции от исторической родины и отсутствия письменности и общеобразовательных школ на кабардино-черкесском языке [15, с. 93–94]. С этим трудно не согласиться, поэтому это предположение в последующем стало методично доказываться в трудах и других лингвистов-адыговедов.

Свои основные выводы Х.Т. Таов основывал как на работах предшественников, так и богатых полевых материалах, собранных в начале 90-х гг. XX в. Это в свою очередь придает его работам определенную специфику. Например, он особо выделяет слово *гу* «подвода». Литературное *гу* «подвода», в речи зарубежных адыгов употребляется в значении «машина». От этого слова образовались

понятия *гу зехуэ* «шофер», *гум исын* «сидеть в машине», *гук/э к/уэн* «поехать на машине» [там же, с. 87].

Анализируя язык диаспоры, Х.Т. Таов пишет, что в кабардино-черкесском языкознании не принято рассматривать речь кабардинцев и бесленеевцев, проживавших в Турции, Сирии, Иордании, как говоры [там же, с. 7]. А предлагает рассматривать его в равной мере, доступной для общения как в диаспоре, так и на исторической родине.

Как отмечалось, в 2000 г. был опубликован сборник статей по результатам комплексной экспедиции сотрудниками КБИГИ в некоторых странах проживания черкесской диаспоры в первой половине 90-х гг. XX в. [6]. В нем была опубликована статья Б.Ч. Бижоева, посвященная изменениям языка черкесской диаспоры в Сирии, Иордании и Турции в основном на материалах кабардино-черкесского языка [7]. Характер источниковой базы данного исследования дал основание автору для обозначения этой локальной группы черкесского народа использовать термин «кабардино-черкесская диаспора», под которым понимает проживавших в этих странах кабардинцев – носителей кабардино-черкесского языка. Несомненным достоинством данной статьи является то, что Б.Ч. Бижоев в определенной мере учитывал исторический контекст рассматриваемых лексических, фонетических и морфологических изменений в речи диаспоры. Он отмечал, что кабардино-черкесский язык в этих странах «в течение длительного времени функционирует в чрезвычайно пестрой лингвистической среде, в которой происходят различные экстралингвистические процессы (смешение, скрещивание и т.д.)» [там же, с. 201]. Речь черкесов в диаспоре испытывала влияние не только со стороны аборигенов этих стран – турок и арабов, но происходит и смешение диалектных особенностей различных адыгских языков и диалектов [там же, с. 201].

В речи адыгов, проживающих за рубежом, Б.Ч. Бижоев выделяет некоторые фонетические, лексические, морфологические особенности. Особое внимание он уделит выявлению лексических особенностей, так как считал, что в этой области «первое, на

что обращаешь внимание при наблюдении за речью зарубежных кабардинцев, это то, что в ней имеется пласт заимствованных из арабского и турецкого языков слов, которые отсутствуют в литературном языке» [там же, с. 214]. Эти заимствования Б.Ч. Бижоев разделил на две группы: 1) слова, которые вытеснили исконные слова и сосуществуют с ними, как синонимы (названия растений, блюд, домашней утвари, одежды и т.п., которые не были знакомы кабардинцам до их переселения): *уэлибакъ* – названия блюд, *чаир* – носилка, *лэблэб* – вид сладости и т.д. [там же, с. 214]; 2) исконные слова, отличающиеся от литературного языка своей звуковой оболочкой: *иШын* в м. *иШэн* – «иметь», *хьэрыф* в м. *хьэрф* – «буква», *иуклэ* в м. *иужьклэ* – «потом» и т.д. Также выделены ряд слов, устойчивых сочетаний и фразеологизмов, неизвестных в литературном языке: *ахъиэмьихэ* в м. лит. *пцыхъэцхъэихэ* – «ужин»; *уафатиэ* в м. *пшэ* – «облако, туча»; *ханлэ* в м. *цланлэ* – «усадебя» и т.д. [там же, с. 215–216]. Таким образом, Б.Ч. Бижоев является первым исследователем, который с привлечением полевого материала, собранного во время экспедиции, кратко (тезисно) описал особенности речи представителей кабардино-черкесской диаспоры в странах компактного проживания во всех уровнях языка, делая сопоставительный анализ с кабардино-черкесским литературным языком.

Наиболее обстоятельное исследование данной проблемы принадлежит М.М. Абазовой (Тхамитлоковой). В серии публикаций, посвященной данной проблематике, она изучала основные фонетические [17]; лексические (в том числе, развитие речи черкесской диаспоры в Турции на собственной языковой базе [2] и интерколяции [1]), морфологические (например, особенности системы исчисления в речи черкесской диаспоры в Турции [4]) и формы существования кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры [5] и т.п. В работах обобщены основные итоги предшествующих исследований и использованы материалы, собранные в ходе полевых экспедиций в Турцию в 2005–2011 гг. Основным результатом ее многолетних исследований стала обобщающая монография, посвященная комплексному исследованию фонетических и лексических изменений

в речи черкесов (адыг), проживающих в Турции [3]. М.М. Абазова придерживается позиции, что сохранение их языка в настоящее время зависит не только от внутренних факторов воспроизводства этнокультурной идентичности, но и во многом от научной деятельности специалистов-адыговедов. В книге дается краткий экскурс в историю изучения речи черкесской диаспоры, анализируется существующая литература по данному вопросу, говорится о содержании термина «диаспора», исследуются фонетические явления, характеризующие речь черкесской диаспоры в Турции, рассматриваются вопросы развития языка на собственной языковой базе, выделяются неологизмы, слова с изменившейся семантикой, слова с фонетическими изменениями, фразеологизмы [там же].

Анализ трудов по исследованию речи черкесской диаспоры за рубежом показывает, что под влиянием экзогенных и эндогенных факторов речь представителей кабардино-черкесской диаспоры в Турции за почти полутора вековую историю подверглась значительной трансформации. В целом, накопленный материал российскими и зарубежными учеными за последние десятилетия составляет основную базу для изучения фонетики, лексики и морфологии адыгских языков в сравнительно-историческом плане. Не имея письменности и литературного языка, сохраняя основные черты языка-источника, они создали свой язык (речь), на котором они общаются между собой и передают из поколения в поколения традиции, обряды, культуру и т.д. Для сохранения кабардино-черкесского языка в диаспоре необходимо использовать максимально эффективные методы, из которых особенно важным является передача языка младшему поколению.

Таким образом, до настоящего времени кавказоведами-лингвистами был накоплен определенный опыт в области изучения некоторых особенностей языка черкесской диаспоры за рубежом. Кроме того, были намечены первые попытки теоретического осмысления основных аспектов функционирования языка диаспоры в иноэтнической среде. Анализ трудов лингвистов-адыговедов показывает, что в речи черкесской диаспоры сохранились архаизмы, а также встречаются неологизмы и заимствования, появившиеся под влия-

нием языкового окружения и в результате длительного изолированного проживания и отсутствия контактов с носителями адыгских языков. Также в речи черкесов, проживающих в Турции, Израиле, США и других странах, многие лексемы подвергались семантическим изменениям.

Несмотря на то, что на сегодняшний день имеется определенное количество трудов российских и зарубежных авторов по изучению истории, культуры, фольклора, речи черкесов (адыгов) за рубежом, остаются еще неисследованными многие вопросы, которые не были затронуты в выше перечисленных работах. Основными из них являются подробное изучение морфологии, синтаксиса, лексики речи черкесов (адыгов), проживающих за рубежом. Все это позволит определить степень сохранности языка, культуры и этикета черкесами вне исторической родины и установить специфику влияния иноязычного окружения.

Список литературы

1. Абазова М.М. Интеркаляция в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции // *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 2017. № 5–3 (71). С. 47–49.
2. Абазова М.М. Развитие речи черкесской диаспоры в Турции на собственной языковой базе // *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 2014. № 12–1. С. 13–16.
3. Абазова М.М. Речь кабардино-черкесской диаспоры в Турции. Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2014. 132 с.
4. Абазова М.М. Система исчисления в речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции // *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 2015. № 4–2. С. 13–15.
5. Абазова М.М. Формы существования кабардино-черкесского языка в условиях диаспоры (история, современность и перспективы) // *Филологические науки: Вопросы теории и практики*. 2017. № 3–1 (69). С. 45–47.
6. Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура / Под ред. Х.М. Думанова. Нальчик: Эль-Фа, 2000. 272 с.

7. Бижоев Б.Ч. Язык кабардино-черкесской диаспоры в Сирии, Иордании, Турции // Адыгская и карачаево-балкарская зарубежная диаспора: история и культура. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 201–240.
8. Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. М.: ИСАА МГУ, 2007. 272 с.
9. Кабардино-черкесский язык. Создание письменности, фонетика и фонология, морфология, синтаксис. Т. I. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., Эль-Фа, 2006. 547 с.
10. Кумахов М.А. Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. М.: Наука, 1981. 288 с.
11. Кумахов М.А. Убыхский язык // Языки народов СССР. Иберийско-кавказские языки. IV том. Редакционная коллегия: Е.А. Бокарев, К.В. Ломтатидзе, Ю.Д. Дешериев, Г.Б. Муркелинский, М.А. Кумахов, С.М. Хайдаков, А.К. Шагиров. М.: Наука, 1967. С. 589–590.
12. Кушхабиев А.В. Очерки истории зарубежной черкесской диаспоры. Нальчик: Эль-Фа, 2007. 320 с.
13. Кушхабиев А.В. Черкесская диаспора в арабских странах XIX–XX вв. Нальчик: ИИФЭ КБНЦ РАН, 1997. 227 с.
14. Паштова М.М. Игровые институты в фольклорной культуре черкесов Турции: на материале экспедиции 2009 г. // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 4: Естественно-математические и технические науки. 2010. № 1. С. 44–48.
15. Таов Х.Т. Проблемы кабардино-черкесской диалектологии. Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, 1997. 132 с.
16. Темирова Р.Х. Язык черкесов (адыгов) Карачаево-Черкесии в контексте языка этноса // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис. проблемы изучения. Материалы международной научной конференции (г. Черкесск, 14–19 октября 1991 г.). Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1993. С. 367–382.
17. Тхамитлокова М.М. Основные фонетические отличия речи кабардино-черкесской диаспоры в Турции // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2010. № 1. С. 154–157.

18. Унарокова М.Ю. Топонимический и антропонимический дуализм как этнический индикатор адыгов диаспоры // Регионально-локальные традиции и формы идентичности черкесов Кавказа и диаспоры: тезисы докладов II Международной научной конференции памяти М.И. Мижаева / Сост. М.Н. Губжоков, М.М. Паштова. Майкоп: «И.П. Паштов З.В.», 2017. С. 70–72.
19. Хёлиг М. Абадзехский диалект черкесской диаспоры в Турции // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис. проблемы изучения. Материалы международной научной конференции (г. Черкесск, 14–19 октября 1991 г.). Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1993. С. 358–366.
20. Чемсо Г.К. Некоторые этнокультурные особенности адыгов, проживающих в Израиле // Культурная диаспора народов Кавказа: генезис. проблемы изучения. Материалы международной научной конференции (г. Черкесск, 14–19 октября 1991 г.). Черкесск: Карачаево-Черкесский НИИ истории, филологии и экономики, 1993. С. 280–292.
21. Dumezil G. Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III. Paris instut d'ethnologie muse'e de l'homme, pa lais de chaillot, place du trocade'ro. Paris: Librairie A. Maisonneuve, 1965. 269 p.
22. Dumezil G. Le verbe oubykh: etudes descriptives et comparatives. Paris: Imprimerie Nationale et Librairie C. Klincksieck, 1975. 215 p.
23. Paris C. Systeme phonologique et phenomenes phonetiques dans le parler Besney de Zennun köyu (Tcherkesse oriental). Collection linguistique publie par la socie te de Linguistique de Paris LXIX. Paris: Société d'Études Linguistiques et Anthropologiques de France, 1974. 248 p.
24. Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubykh. Oslo: Universitetsforlaget, 1963. 264 p.

References

1. Abazova M.M. Interkalyatsiya v rechi kabardino-cherkesskoi diaspory v Turtsii [Intercalation in the vernacular of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 5–3 (71), pp. 47–49.

2. Abazova M.M. Razvitiye rechi cherkesskoi diasporы v Turtsii na sobstvennoi yazykovoi baze [Development in the vernacular of the Circassian diaspora in Turkey on their own language base]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 2014. № 12–1, pp. 13–16.
3. Abazova M.M. *Rech' kabardino-cherkesskoi diasporы v Turtsii* [The vernacular of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey]. Nal'chik, 2014. 132 p.
4. Abazova M.M. Sistema ischisleniya v rechi kabardino-cherkesskoi diasporы v Turtsii [The system of calculation in the vernacular of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 2015. № 4–2, pp. 13–15.
5. Abazova M.M. Formy sushchestvovaniya kabardino-cherkesskogo yazyka v usloviyakh diasporы (istoriya, sovremennost' i perspektivy) [Forms of existence of the Kabardino-Circassian language in the conditions of diaspora (history, the present and prospects)]. *Filologicheskie nauki: Voprosy teorii i praktiki*. 2017. № 3–1 (69), pp. 45–47.
6. *Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura* [The Adygs and the Karachaevo-Balkar foreign diaspora: history and culture] / pod. red. H.M. Dumanova. Nal'chik, 2000. 272 p.
7. Bizhoyev B.Ch. Yazyk kabardino-cherkesskoi diasporы v Sirii, Iordanii, Turtsii [The language of the Kabardino-Circassian diaspora in Syria, Jordan, Turkey]. *Adygskaya i karachaevo-balkarskaya zarubezhnaya diaspora: istoriya i kul'tura* [Adygeyan and Karachay-Balkar foreign diaspora: history and culture]. Nal'chik, 2000, pp. 201–240.
8. Ganich A.A. *Cherkesy v Iordanii: osobennosti istoricheskogo i etnokul'turnogo razvitiya* [The Circassians in the Jordan: features of historical and ethnocultural development]. M., 2007. 272 p.
9. *Kabardino-cherkesskii yazyk. Sozdanie pis'mennosti, fonetika i fonologiya, morfologiya, sintaksis* [The Kabardino-Circassian language. Creation of writing, phonetics and phonology, morphology, syntax]. T.I. Nal'chik, 2006. 547 p.
10. Kumakhov M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskich (cherkesskich) yazykov* [Comparative-historical phonetics of the Adyge (Circassian) languages]. M.: Nauka, 1981. 288 p.

11. Kumakhov M.A. Ubykhskii yazyk [The Ubykh language]. *Yazyki narodov SSSR. Iberiisko-kavazskie yazyki* [Languages of the peoples of the USSR. Iberian-Kavazian languages]. Vol. IV. Editorial Board: E.A. Bokarev, K.V. Lomtadze, Yu.D. Desheriev, G.B. Murkelinskii, M.A. Kumakhov, S.M. Khaidakov, A.K. Shagirov. M., 1967, pp. 703–712.
12. Kushkhabiev A.V. *Cherkesskaya diaspora v arabskikh stranakh XIX–XX vv.* [The Circassian diaspora in the Arab countries of the 19–20th centuries.]. Nal'chik, 1997. 227 p.
13. Kushkhabiev A.V. *Ocherki istorii zarubezhnoi cherkesskoi diaspori* [Sketches of history of foreign Circassian diaspora]. Nal'chik, 2007. 320 p.
14. Igrovye instituty v fol'klornoi kul'ture cherkesov Turtsii: na materiale ekspeditsii 2009 g. [Game institutions in the folklore culture of the Circassians of Turkey as based on the 2009 expedition materials]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4: Estestvenno-matematicheskie i tekhnicheskie nauki*. 2010. № 1, pp. 44–48.
15. Taov Kh.T. *Problemy kabardino-cherkesskoi dialektologii* [The issues of the Kabardino-Circassian dialectology]. Nal'chik, 1997. 132 p.
16. Temirova R.H. Yazyk cherkesov (adygov) Karachaevo-Cherkessii v kontekste yazyka etnosa [The language of the Circassians (Adyghe) of the Karachay-Cherkessia in the context of ethnos language]. *Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genezis. problemy izucheniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Cherkessk, 14–19 oktyabrya 1991 g.)* [Cultural diaspora of the peoples of the Caucasus: genesis. problems of learning. Materials of the international scientific conference (Cherkessk, October 14–19, 1991)]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki, 1993, pp. 367–382.
17. Tkhamitlova M.M. Osnovnye foneticheskie otlichiya rechi kabardino-cherkesskoi diaspori v Turtsii [The main phonetic differences of the vernacular of the Kabardino-Circassian diaspora in Turkey]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie*. 2010. № 1, pp. 154–157.
18. Unarokova M.Yu. Toponimicheskii i antroponimicheskii dualizm kak etnicheskii indikator adygov diaspori [Toponymic and antroponimicheskii dualism as an ethnic indicator of the Adyghe diaspora]. *Re-*

- gional'no-lokal'nye traditsii i formy identichnosti cherkesov Kavkaza i diaspory: tezisy dokladov II Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii pamyati M.I. Mizhaeva* [Regional-local traditions and forms of identity of the Circassians of the Caucasus and the Diaspora: abstracts of the II International Scientific Conference in memory of M.I. Mizhayeva] / sost. M.N. Gubzhokov, M.M. Pashtova. Maikop, 2017, pp. 70–72.
19. Khelig M. Abadzekhskii dialekt cherkesskoi diaspory v Turtsii [The Abadzekhsky dialect of the Circassian diaspora in Turkey]. *Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genesis. problemy izucheniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Cherkessk, 14–19 oktyabrya 1991 g.)* [Cultural Diaspora of the Peoples of the Caucasus: Genesis. problems of learning. Materials of the international scientific conference (Cherkessk, October 14–19, 1991)]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki, 1993, pp. 358–366.
20. Chemso G.K. Nekotorye etnokul'turnye osobennosti adygov, prozhivayushchikh v Izraile [Some ethnocultural features of the Adyghe living in Israel]. *Kul'turnaya diaspora narodov Kavkaza: genesis. problemy izucheniya. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Cherkessk, 14–19 oktyabrya 1991 g.)* [Cultural Diaspora of the Peoples of the Caucasus: Genesis. problems of learning. Materials of the international scientific conference (Cherkessk, October 14–19, 1991)]. Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskii NII istorii, filologii i ekonomiki, 1993, pp. 280–292.
21. Dumezil G. Documents anatoliens sur les langues les du Caucase III. Paris instut d'ethnologie muse'e de l'homme, pa lais de chaillot, place du trocade'ro. Paris: Librairie A. Maisonneuve, 1965. 269 p.
22. Dumezil G. Le verbe oubykh: etudes descriptives et comparatives. Paris: Imprimerie Nationale et Librairie C. Klincksieck, 1975. 215 p.
23. Paris C. Systeme phonologique et phenomenes phonetiques dans le parler Besney de Zennun kōyu (Tcherkesse oriental). Collection linguistique publie par la socie te de Linguistique de Paris LXIX. Paris: Société d'Études Linguistiques et Anthropologiques de France, 1974. 248 p.
24. Vogt H. Dictionnaire de la Langue Oubykh. Oslo: Universitetsforlaget, 1963. 264 p.

ДАНИЕ ОБ АВТОРЕ

Абазова Марита Мухамедовна, канд. филол. наук, ст. н. с. сектора
кабардино-черкесского языка

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федераль-
ного государственного бюджетного научного учреждения
«Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский на-
учный центр Российской академии наук»*

*ул. Пушкина, 18, г. Нальчик, КБР, 360000, Российская Феде-
рация*

marita.abazova@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Abazova Marita Mukhamedovna, Cand. of Filol. Sciences, Senior
Research Associate of the Sector of the Kabardino-Circassian
language

*Institute for the Humanities Research – Filial of the Federal State
Budgetary Scientific Establishment “Federal Scientific Center
“Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy
of Sciences”*

18, Pushkin Str., 18, Nalchik, 360000, Russian Federation

marita.abazova@yandex.ru

SPIN-code: 2763-0953